

С тех пор как Курт стал таким властным и требовательным по отношению к своей любовнице, Уолли чувствовала еще меньше доверия к нему. Его угроза раскрыть все графу стояла перед ней как призрак, и теперь она дрожала от страха, что он выполнит свои угрозы. Она с тревогой следила за поведением графа, пытаясь по его лицу понять, произошло ли это уже.

При каждом шорохе в доме она вздрагивала в своем будуаре, который когда-то занимала Герда, рассеянно читая газету. Вдруг ее глаза округлились, а затем пристально уставились на объявление из госпиталя в Нидернау, побудившее Курта немедленно отправиться туда без предупреждения Уолли.

Словно от укуса тарантула, она вскочила и прошептала, дрожа всем телом: — Несомненно, это она — это Герда! Но как это возможно? Она же сгорела заживо в хижине вместе с моим бедным Хайни! Или, может быть, она уже успела покинуть ее до того, как Курт устроил пожар? Но тогда мой Хайни в итоге остался жив!

Она тут же приказала подать машину и помчалась к железной дороге. Почти в горячке она села в поезд, который должен был доставить ее в Нидернау.

Мысль о том, что ее ребенок может быть еще жив, заставляла ее сердце учащенно биться от радости, но еще больше ее волновало то, что Герда также избежала смерти.

Она с нетерпением ждала того момента, когда узнает об этом наверняка. Но кто может описать ее гнев и разочарование, когда в больнице она узнала, что мужчина, представившийся братом Герды, забрал ее оттуда.

То, что этим человеком мог быть не кто иной, как Курт, ей стало сразу очевидно. Теперь ее беспокойство усилилось почти до предела.

Что теперь предпримет Курт? Если он действительно вернет Герду к ее мужу, то с графским титулом Уолли будет покончено одним махом.

К этому беспокойству добавлялась мучительная мысль о том, что она не знает, где находится ее собственное дитя, к которому направлены были все светлые помыслы этой демонической женщины. — Боже мой, — в отчаянии стенала она, — если бы я только могла узнать, что стало с моим бедным Хайни!

По возвращении она металась по комнате, прижимая руки к пульсирующим вискам, и вдруг услышала крик совы.

Она резко вскочила. Это был Курт! И теперь она буквально слетела с лестницы и помчалась к павильону, где он ее ждал. Она собиралась крикнуть ему: "Жива ли наша Хайни?" — но не смогла издать и звука. Курт с выражением на лице, на котором светился триумф, подошел к ней.

— Итак, моя дорогая Уолли, что ты так растерянно смотришь на меня, — прошептал он. — Я принес тебе весть. Ликуй! Твоя кузина не сгорела в хижине! Она жива, и я приютил ее у себя!

Так оно и было! Словно пораженная ударом, Уолли попятилась назад и прислонилась к дереву, с трудом дыша. Но уже в следующее мгновение она снова взяла себя в руки и, схватив его за руку, простонала:

— Ради Бога, скажи мне, наш Хайни еще жив?

— Я этого не знаю! — ответил он кратко. — Я ничего не могу вытянуть из слепой графини, и иногда мне даже кажется, что ее рассудок не совсем прояснился, потому что она в замешательстве говорит странные вещи. Она понимает, что это не ее ребенок, которого она похитила из замка, поскольку она все время плачет по своему Гарольду! Но при этом она не знает где наш ребенок!

Уолли в отчаянии прижала руки к сердцу.

— Боже мой, как ужасно не понимать, что стало с моим ребенком!" — стонала она.

Курт не дал ей времени предаваться причитаниям. Схватив ее за запястье, он угрожающе крикнул:

— Ну, теперь ты исполнишь свое обещание и избавишься от графа? Теперь ты полностью в моей власти, ведь теперь ты не сможешь пойти и сказать графу, что я виноват в смерти его первой жены, потому что я поджег хижину. С сегодняшнего дня хватит кормить меня обещаниями. Если немедленно ты не предпримешь меры, чтобы убрать графа с дороги, я сообщу ему, где он может отыскать Герду! И тогда, дорогая, ты можешь собирать вещички, ведь тогда он узнает, что ваш брак недействителен!

Уолли ухватила за склонившуюся ветку, так сильно дрожали ее руки от страха и испуга. Она чувствовала, что петля, которую Курт накинуд ей на шею, все сильнее и сильнее затягивается.

Он не видел, с какой лютой ненавистью она смотрела на него. Мысли металась в ее голове, как молнии. Но она не могла найти выхода. Теперь ей пришлось уступить его требованиям, иначе она пропала!

— Хорошо, — простионала она, решительно вставая, — я сделаю все, что ты просишь!

С каким безумным страхом смотрела она на него, обращаясь к нему, и какое-то время шептались.

— Вот дьявол — это точно, отличная идея! — с триумфом сказал он после того, как она озвучила ему свой план. — Пусть хоть один человек явится и попытается нам что-то предъявить!

— Но есть одна просьба, которую я от тебя требую, — продолжала Уолли, — когда тебе удастся осуществить задуманное, ты должен отдать мне слепую графиню, потому что она не должна объявиться снова, если мы не хотим потерять наше наследство!

— Ты получишь ее! — цинично рассмеялся Курт. — И ты немедленно сообщишь мне, чем закончится эта история!

Она дала ему слово, и они расстались. Уолли, преисполненная ненависти, смотрела вслед уходящему мужчине и шипела:

— Я обязана ему подчиниться, я у него в руках! Но я никогда не прощу его, и я заплачу ему тем же!

Как Курт умудрился увести Герду от преследователя?

Как только они свернули в лес, Курт крикнул шоферу повелительное "Стоп!", а затем, взяв Герду на руки, молниеносно выскочил из машины.

— Езжай как можно быстрее!" — приказал он шоферу, бросив ему монету, а затем ловко нырнул в кусты со своей легкой ношей.

Прежде чем барон появился, Курт уже умчался вдаль на значительное расстояние. Альтендорф обыскал всю округу, но поскольку начало темнеть, ему вскоре пришлось прекратить свои поиски. Но на следующий день он возобновил поиски и на этот раз обнаружил на еще влажной земле отпечатки ног человека.

Он пошел по ним, и через некоторое время они снова вывели из леса к деревне.

У первой же одинокой усадьбы они внезапно остановились, и Альтендорф заподозрил, что в этом доме Курт поместил беспомощную жертву.

Чтобы разузнать это, он скрылся за густыми кустами неподалеку. И вот, совсем скоро он увидел, как его бывший управляющий вошел в усадьбу и через некоторое время снова вышел.

Он хотел бы немедленно закрыть его под стражу. Но он не мог этого сделать, потому что его главным делом было освободить слепую женщину.

Когда он решил, что теперь точно знает, где она, он вошел в усадьбу и попросил у встретившейся ему служанки стакан молока. Пожилая, ворчливая на вид женщина принесла его, и пока он пил, земледелец взвалил на плечо лопату и пошел в поле.

Альтендорф подождал, пока тот отойдет достаточно далеко. Затем он расплатился. Женщина, возившаяся на кухне, не обратила на него никакого внимания, и он смог незаметно обойти ферму. Когда он проходил мимо сарая с открытой дверью, то быстро проскользнул внутрь. Внутри он обнаружил лестницу, ведущую на сеновал. Он вылез наружу, а затем выглянул через люк в сторону дома.

Он пролежал в ожидании около получаса, когда едва не закричал от радости: из окна наверху показалась голова молодой женщины — это была его белокурая протееже.

Когда он убедился, что Герда здесь, он вышел из своего укрытия и тут же придумал план ее освобождения.

Ранним утром на следующий день он появился с двумя полицейскими и потребовал освободить узницу. Хотя фермер и его мать сначала возражали против присутствия в доме незнакомца, полицейские, угрожая применить силу, в конце концов заставили их проводить к слепой графине.

Когда они открыли комнату, где находилась Герда, она со страшным выражением лица поднялась со стула и устремила свои потухшие глаза на вошедших. Барон тотчас же поспешил к трепещущей женщине и сказал: — Наконец-то я нашел вас, бедняжка! Вчера я узнал, что негодяй держит вас здесь в плену, но, к сожалению, мне не удалось добиться вашего освобождения раньше!

При звуке столь знакомого ей участливого голоса на лице Герды промелькнула радость, и она протянула к нему обе руки, говоря: — Благодарю Небо и вас за то, что вы освободили меня, ведь я чуть не умерла здесь от страха!

Опираясь на его руку, они покинули усадьбу, и когда они вышли на открытый воздух и барон снова стал добиваться, чтобы она наконец рассказала ему, где ее дом, она воскликнула, разразившись слезами: — Где мой дом? У меня его нет! Я несчастнее птиц в небе, у которых есть кров, слабее животных в лесу, которые могут защитить себя и свое потомство, когда им угрожает опасность! У меня нет дома, в котором я могла бы укрыться! Все, что я когда-то называла своим, отнято у меня, и, в конце концов, даже самое дорогое — мое дитя! Они с легкостью расправились со мной! Я ослепла и не могла даже защитить себя!

Но я не желаю рассчитывать с ними за то преступление, которое они совершили по отношению ко мне, — жалобно продолжала она. — Пусть только вернут мне моего сына или скажут, что стало с моим Гаральдом! Я прошу, умоляю вас, барон, отведите меня в замок Штайнах, который расположен неподалеку отсюда! Под вашей защитой я осмелюсь войти в дом, из которого в противном случае мне не выйти живой! Пусть они скажут мне, где мое дитя, и вернут мне его, если оно у них с собой! Сжальтесь над несчастной и покинутой женщиной, господин, отведите меня в замок Штайнах!

— Да, — сказал он, — так и сделаю. Что в моих силах, чтобы помочь вам восстановить ваши права, я сделаю. Мы немедленно отправимся туда, чтобы встретиться с вашим неверным мужем. Ничего не бойтесь вы под моей защитой!

Она доверчиво взяла его за руку, и они отправились в Штайнах.

Он с сердечной нежностью обнял хрупкую, красивую фигурку, которая производила трогательное впечатление из-за темной повязки на лбу.

Барон и Герда шли, должно быть, уже полчаса, когда они подошли к редкому лесу — вдруг Альтендорф остановился, увидев за кустами на небольшом расстоянии охотника, лежавшего в засаде.

Но теперь — небеса, вон там, дальше за противоположным кустом, незаметно выступило дуло ружья, нацеленное на охотника!

Альтендорф хотел крикнуть, предупредить ничего не подозревающего человека, который ни о чем не догадывался, но крик замер в груди.

И через мгновение он оттолкнул слепую женщину, также оказавшуюся на линии огня, и в следующий момент закричал, предупреждая охотника.

<http://tl.rulate.ru/book/92712/3109209>